

СТРАДАЮЩЕЕ ЛИ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ?

Ермакова Д., Институт кинематографии, Москва,
ermakovadasha@inbox.ru

Рецензия на книги:

Зотов С., Майзульс М., Харман Д. Страдающее Средневековье. Парадоксы христианской иконографии. - М. изд-во АСТ, 2018. – 416 с.: ил.;

Хартнелл Джек. Голое Средневековье. Жизнь, смерть и искусство в средние века/Пер. с англ. А.Н.Мурашова. – М.: Изд-во АСТ, 2019. – 320 с.; ил. 90.

Книга «Страдающее Средневековье» посвящена сцепке в средневековой иконографии священного и профанного, включающего в себя комичное, монструозное и святотатственное. «Страдающее Средневековье» - группа в социальной сети «ВКонтакте», где «придумываются смешные подписи к средневековым миниатюрам, публикуются отрывки из фильмов» и пр., часто напоминающее Средневековье. Описываются маргиналии, в которых перед читателем предстает перевернутый мир, где «смех звучал не только извне, но и изнутри» (с. 41). Образ профанного и карнавального Средневековья, правда, разработан в отечественной литературе достаточно хорошо, но замысел авторов в другом: обозначить «границы дозволенного в обращении с сакральными символами», определить авторство определяющего эти пределы, найти способ «примирения защиты ценностей, которые для многих святы, со свободой высказывания...», выяснить «роль религии и Церкви... в светском государстве и где стоит поставить предел их влиянию» (с.9), а также кощунству выступающих от лица церкви и религии.

Для ответа на этот вопрос авторы обратились к самому Средневековью, которое оказалось, изображая себя, достаточно неканоничным, ироническим. Рассматривая разнообразные изображения с религиозными сюжетами, иные из которых, однако, вряд ли надо называть иконографическими (например, «Распятие Г.Гросса»), поскольку икона имеет строго определенные коннотации, авторы справедливо утверждают, что «средневековая западная иконография была намного разнообразнее, изобретательнее и даже в каком-то смысле свободнее, чем это принято думать» (с.15). Средневековью действительно «был чужд археологический или этнографический интерес» (с.18) к смене эпох, оно прекрасно передавало смысловые сдвиги, до поры до времени не касаясь обычаев и нравов. «... религия... не боялась ни заражения миром, ни даже смеха в свой адрес» (с.26).

Книга состоит из Введения (Страсти по Средневековью: (не) святые образы) и трех разделов: Звериное, Человеческое, Божественное, т.е. построена иерархически, отображая путь восхождения от всего, происходящего на земле до Первообраза. В каждом из них – масса превосходных примеров находящихся под присмотром вольностей, которые могут шокировать консервативный, а чаще – не(до)развитый ум. Обратим внимание лишь на первом разделе, где помещены главы «Маргиналии: Ничего святого», «Гибриды: от маргиналий к карикатуре» и «Христианский бестиарий» с показом перевернутого мира: симбиоза сакральных текстов с пародийными фигурами, высмеивающими духовенство, показывающими человеческие непристойности. Авторы приводят много доказательств гибридности священного-профанного на грани с фолом: едва ли не на каждой странице – репродукции миниатюр с изображением этого телесного низа или неожиданных трактовок сакральных сюжетов

(Христос в роли палача, с. 374; «Алхимический» Христос на виселице, с. 396). Хотелось бы сравнения со словесностью, благо что в Средневековье был собран замечательный сборник «Gesta romanorum, Римские деяния», в котором соединены древние повествования и анекдоты со средневековыми *moralité* (об этом можно прочитать в книге С.С.Неретиной «Слово и текст в средневековой культуре. История: миф, время. Загадка». М., 1994).

Стоит отметить, что авторы в книге заняты ликвидацией неграмотности, этой теме специально посвящен параграф «Долой неграмотность!», во-первых, обнаруживающий книжность святых и мирян, читавших хотя бы молитвенники, ходивших в школы, а, во-вторых, показывающий красоту, связанную с чтением, для многих современных неучей и незнаек (см. с.246 – 256). Помещаются репродукции миниатюр, свидетельствующие о недюжинном мастерстве рисовальщика (см., например, XXI (172) Гонорий Августодунский. Комментарий на Песнь Песней и другие тексты. XII в.).

Немного смущает Вступительное слово, напоминающее вводную часть к курсовой работе и отсутствие хоть какого-то Заключения, книга выглядит оборванной. Однако часто читая в Заключениях то, что уже есть во Введении, можно простить авторам эту упущенную возможность. Название книги броское, но не вполне соответствующее теме гибридности, смеховой и карнавальной, *улыбчивой*, повседневной культуры, в которой много страдания, но не менее, как показали авторы и иронии, парадоксов и юмора. Книгу хорошо бы прочесть или хотя бы просмотреть как можно большему числу читателей.

Вторая книга, словно продолжающая тему «Страдающего Средневековья», посвящена освещению понятия телесности. Написана английским историком искусств. Состоит из 12 глав: Средневековые тела, Голова, Органы чувств, Кожа, Кости, Сердце, Кровь, Руки, Живот, Гениталии, Ноги, Будущее тел. Снабжено избранной библиографией. Автор пользуется инновационными медицински-археологическими техниками, позволяющими «детально изучить останки» «средневековых» людей и дающими «заманчивую возможность заглянуть в прошлое непосредственно» (с.6). такая археология называется им биоархеологией (с.300). На основании методов, предоставленных такими техниками, установлено, что рост средневекового человека был почти таким же, как и сейчас (с.18), врачи применяли для лечения не только лекарства, но «всю логику соответствий между человеком и природой» (с.20). религия играла ведущую роль в осознании своего здоровья как благополучного. Можно было считать болезнь следствием, например, простуды, а можно – симптомом грехопадения, дурной жизни.

Автор понимает средневековую жизнь как метафору сакральной жизни, «обладающей властью над умом, искусственным телом... местом, где свершается метафизическое спасение, или объект повторяющихся воздействий планет и времен года» (с. 34). Весь (цельный) человек был связан с целостью универсума. Медицинские рисунки, к примеру, XIII в. показывали своего рода операции между клетками голову и обнаруживали процесс мышления, связанного с сетью нервов, ведущих в мозг и исходящих из него. Функции клеток мозга показывали местонахождение так называемого «общего чувства», где собиралась вся информация. Информация доставлялась веществом, которое называлось «животным духом» (поневоле вспоминаются «животные ветры» Декарта), а этот дух двигался, подобно воде, через мозг и тело. Другие стадии мышления были заняты уточнением и запоминанием информации, подключая имагинацию и когитацию, превращающую образы в концепты, которые давали возможность оценивания.

Методики инновационных технологий – и это обнаруживается в книге – применялись ко всем упомянутым выше объектам: на основании кожи пергаменных страниц или обуви можно узнать не только, из шкуры какого животного они сделаны, но и о месте его обитания. Будущее средневековых тел, по мнению автора под влиянием биоархеологии состоит в том, что они постепенно «просыпаются и разговаривают» (с. 301), делая для нас более ясным представления человека о мире.

Предназначено для самого широкого читателя, но мы бы обратили на нее внимание психо-лингво-нейрофизиологов.